

От автора

Захотел я, как автор, поблагодарить людей, помогавших мне с книгами, но, когда прикинул их список, то понял, что благодарность мне, пожалуй, придётся выпустить отдельным томом. Тем не менее, вкратце, я хочу поблагодарить:

Мою жену Людмилу за неоценимую помощь и терпение;
Моих детей Еву и Эрика за вдохновение.

Александра Михайловича Покровского за то, что он есть.

Вадима и Маргариту Арьковых за весь Таганрог.

Дмитрия и Галину Филатовых за самый гостеприимный дом, завёрнутый в бумагу.

Алексея и Марианну Болотовых за многолетнюю дружбу и доброту.

Константину Соколову за острый глаз и твердую руку.

Ольгу Крючкову за знание русского языка;

Рауфа Харисыча — за Хафизыча.

Всех моих сослуживцев и коллег за созданные и подаренные истории.

Марка Нопфлера за лучший в мире фон для написания чего бы то ни было.

Естественный отбор

Первое, чему я удивился, попав в дивизию атомных подводных лодок, — простецкие отношения между людьми. Не панибратские, не неуважительные, а именно простые. Дежурный по дивизии, когда увидел, что я пытаюсь замаршировать в его рубку строевым шагом, замахал на меня руками:

— Расслабься, сынок! Это тебе не парад!

Ну как тут расслабишься — целый капитан первого ранга же сидит и что-то в журнале пишет.

— Тащ капитан первого ранга! — начинаю торжественный доклад, как учили.

— Да всё я знаю, — перебивает меня дежурный, — прибыл для прохождения и так далее. Кто по специальности-то?

— Киповец, — говорю.

— Жалко, что не минёр, я б тебя к себе забрал. Мне минёр позарез нужен. Не хочешь быть минёром? Хуле там — одна труба и три клапана.

— Никак нет, — говорю, — я в механики хочу!

— Ну, смотри, я тебя предупреждал. Пошли, отведу тебя к механикам.

Поднимаемся на второй этаж штаба дивизии, там огромный (мне тогда так показалось) коридор с кучей кабинетов.

— Маслопупые! — кричит капитан первого ранга. — Я вам лейтенанта привёл!

Откуда-то из кабинета выскакивают два офицера: один высокий, полный и бородатый капитан первого ранга (начальник электромеханической службы) и среднего роста худощавый капитан второго ранга (флагманский электрик).

— Лейтенант! Ну наконец-то! — кричит борода-тый. — Я уж думал, что опять нас кинут. Иди к нам в горячие объятия, лейтенант!

Покидаю приветливого капраза и иду в кабинет к этим странным людям. Странные люди сидят и пьют чай на сваленных в кучу на столе схемах, бумагах и фрагментах скатерти.

— Садись, лейтенант, — они смахивают с табуретки ещё какие-то схемы на пол. — Чай будешь?

Конечно, я бы выпил чаю: непривычная жара и целый день на ногах то по штабам, то по автобусам.

— Спасибо, — говорю, — но нет.

— Стесняешься, небось, при таких-то шишках?

— Есть немного.

— А не надо! — говорит мне начальник электромеханической службы. — У нас тут всё по-простому. Если ты — гондон, то от нас быстро съебёшь, а если нормальный парень, то можешь с нами даже запросто и чай пить. Ты гондон?

— Да нет, вроде нормальный парень.

— Ну тогда садись и пей чай.

Сидим пьём чай.

— Какой у тебя средний балл? — спрашивают.

— Четыре и шесть, четыре и семь где-то.
— А ещё что есть?
— Курсы военных переводчиков закончил.
— Это тебе особенно в трюмах пригодится! — смеются. — В море-то ходить хочешь? Или на отстойник сейчас будешь проситься?

— Конечно, хочу, чего бы я сюда ехал тогда?

— Ну хуй тебя знает! А почему хочешь-то?

— Ну... это... романтика там и всё такое.

Опять ржут:

— Рома-а-анти-и-ика-а-а!!!

— Да это вы в романтике просто ничего не понимаете! — набираюсь я смелости, видимо, от чая.

— О, наглый, это хорошо. На ТК-20 пойдёшь.

НЭМС берёт трубку телефона и звонит:

— Серёга! Метнись-ка мне быстрым оленёнком и вызови Хафизыча к телефону!.. Ну и что, что пенсионер? НЭМС сказал — оленёнком, значит — оленёнком. Попизди у меня ещё тут!

Дышит в трубку.

— Хафизыч! Ну, танцуй!.. Танцуешь там? Чо-чо. Лейтенанта тебе отрыл с боем. Что «спасибо!»? Не булькает твоё спасибо. Три литра мне должен теперь... Да ты ещё поплачь мне! Ага, «три» я тебе сказал, иниибёт! Счас пришлю его к тебе.

Подводит меня к окну:

— Вон, — говорит, — видишь «Акулы» стоят? Твоя третья слева. Иди.

Иду. На пирсе лысоватый человек татарской наружности орёт на матроса с автоматом:

— Да ты знаешь, как у нас ебут? За хвост — и об палку! Ещё раз, блядь, увижу, и дорогая не узнает, какой у парня был конец!

Поворачивается ко мне. На бирке написано «КБЧ-5». Он самый, значит.

— Ну, добро пожаловать на борт, лейтенант.

Спускаемся в центральный.

— Вот, — показывает механик на самый большой пульт в ЦП, — это твой «Молибден», у нас он называется «пианино». Единственное, что мне от тебя нужно, чтоб ты на нём хуярил, как Ван Клиберн на пианине! Всё остальное — пыль и суета. Пошли пульт ГЭУ покажу.

Спускаемся в восьмой. Механик со мной на прицепе врывается в какую-то каюту. В каюте в обнимку с перергом спит тело.

— Вот, Эдуард, знакомься, это тело зовут Владимир, и он один из двух киповцев ГЭУ. Как бы твой коллега по нихуянеделанью.

— Чо это нихуянеделанью? — возмущенно бурчит тело.

— Вова, какой ты пример показываешь лейтенанту! Ну, ёб твою мать! Где ключи от пульта?

— Ныармальный. Нормальный я пример показываю лейтенанту, — бурчит Вова и вытаскивает из кармана связку ключей, — закроете там потом всё.

— А ты не прихуел ли, Владимир?!

— Хафизыч, ну пожалуйста, ну сам же вчера...

— Всё. Дохуя пиздишь, — и механик выводит меня из каюты.

Меня поселили в соседнюю с Вовой каюту. А с Вовой жил ещё Андрей Борисыч, старый и опытный командир первой трюмной группы. Шефствовали они надо мной, вроде как.

Помню, однажды поспорили с начхимом в отсеке, просто поспорили и перешли на повышенные тона. Так они оба выскочили из каюты с криком:

— Кто тут нашего лейтенанта обижает?!

А начим Дима ровесник с Вовой был, Борисыч-то постарше.

— Ну, я!

— Головка от хуя! А в глаз? Это наш лейтенант, и тока мы имеем право на него орать!

Ну, шутили, в общем-то. У нас крайне доброжелательная обстановка была в экипаже.

А за механиком нашим вообще можно ходить с блокнотом и записывать. Или на камеру снимать, когда он злился. Злился он редко, правда, но изображал из себя татарина в этот момент. Ну, так-то он и так был татарин, но в моменты расстройств изображал монголо-татарина, который отбил от орды и как-то случайно попал в Мурманскую область.

— Лёня, — звал он интенданта в кают-компании и тыкал пальцем в суп, — что это тут наплёскано у меня в корыте?

— Это щи, — удивлялся Лёня такой кулинарной необразованности целого подполковника.

— Щи? Лёня, да про них даже нельзя сказать «хоть хуй полощи!»! Мой мазутный в них даже не пополощется! Где мясо, Лёня?

— Мясо во втором блюде!

— Да? А косточки, может, в третьем? Лёня, ты видишь эти руки?

Лёня внимательно смотрел на вытянутые к нему ладони и утвердительно кивал головой.

— Эти руки, Лёня, носят твою тушку по глубинам северных морей. И если эти руки начнут дрожать от недостатка мяса в организме, то ты, Лёня, в этих северных морях и останешься на всю свою яркую, но недолгую жизнь! А посмотри на Эдуарда!

Лёня смотрел на меня.

— Он же цистерны главного балласта продувает своими пальцами! Он же, как Икар, тебя к солнцу выносит и кислороду, а тыбля что? Капусту ему в воде варишь, как козлу какому?

А ещё механик носил ключи на широкой зелёной резинке от ПДУ и надевал её на лоб, как самурайскую повязку, когда думал. Ключи при этом болтались над правым ухом.

— Эдик, ну что у тебя с холодилькой?

— Да не могу разобраться, что-то автоматика там не хочет автоматить. Горит один предохранитель всё время, а из-за чего, не могу вычислить.

И он надевал резинку на голову:

— Неси схемы!

Несу. Разворачиваем.

— Блять, так они по размеру больше, чем стойка управления от неё!

Смотрим в схемы, водим по ним пальцами и понимаем, что ни хуя не понимаем.

— А гвоздик пробовал вставлять? — спрашивает механик атомного подводного крейсера стратегического назначения.

— Какой гвоздик?

— Железный, Эдик, банальный железный гвоздик!

— Куда?

— Куда не ходят поезда! Пошли!

Лезем в трюм седьмого.

— Снимаю крышки со стойки!

Снимаю крышки, механик вставляет гвоздь вместо предохранителя и прижимает его эбонитовым колпачком.

— Врубай и смотри, откуда дым пойдёт.

Врубаю, холодильник радостно работает и холодит, а из одного блока валит дым. Вырубаю холодильник, меняю блок, ставлю предохранитель, запускаю. Работает, сука.

— Учись, студент! Гвоздь дарю.

И механик снимает с головы резинку (думать-то больше не надо) и, напевая что-то себе под нос, уходит с чувством выполненного долга.

Потом уже я вспомнил слова НЭМСа про гондонов. И, действительно, ведь ни одного не было. Были люди умнее, тупее, веселее, серьезнее, с пристрастием к алкоголю и ведущие здоровый образ жизни, спокойные и сумасшедшие, но гондонов не было. А если и появлялись, то быстро куда-то исчезали. Естественный отбор в исполнении подводных сил Северного флота, я считаю.

Немного о дружбе

Вам когда-нибудь хотелось выпить чая так, что ломило зубы аж до самой поясницы? Вот и мне — нет, хотя теоретически я такую возможность допускаю. У нас с вами чай — это не то, что в остальном мире: вода и листья заварки, а некая метафизическая сущность, которая в зависимости от настроения может служить другом, психотерапевтом, любовницей, никотином или транквилизатором, а также борщом, красной икрой или дорогим вином. Удивительно, что русским его продают без рецептов, правда?

Вот захотелось как-то Максиму выпить чаю так, чтобы зубы заломило по колено. Не то чтобы самому захотелось и на голом месте без малейшего повода, а просто он вышел от старпома после проверки документации своего отсека. Старпом же у нас был как Паганини, только наоборот: Паганини мог настроить скрипку так, что на ней любой козодой рвал бы консерватории, а старпом мог расстроить нервную систему так, что любой Иммануил крепко задумался бы о бесполезности своего существования.

Обнаружив у Максима пару незначительных для обычного человека ошибок, старпом в мягких и тёплых выражениях выразил своё удивление, как можно перепутать темы для летнего и зимнего периодов обучения, получив хотя бы три класса церковно-приходской школы, а тут целый офицер с высшим образованием и так возмутительно безмозгл. Вот уж бывают чудеса на свете, да? Поинтересовался старпом у Максима и на прощание дал ему отеческий совет броситься с рубки головой об палубу, возможно, тогда в неё немного разума засосёт из Вселенной через щель в черепе.

Совет, конечно, дельный, подумал Максим, но вряд ли его оценила бы супруга Наталья, так как один ребёнок (девочка) у них уже имелся и второго (мальчика) они ожидали с недели на неделю буквально. Хорошо, конечно же, с двумя детьми на руках иметь умного мужа, но живого всё-таки лучше. «А поэтому не выпить ли мне чая вместо столь радикальных мер?» — подумал Максим и полез в сумку проверять, что ему собрала с собой жена на службу. Как назло, сегодня в сумке был только кофе, а кофе в таких ситуациях абсолютно непригоден — только чай. И чая-то этого вечно запасы были в любой каюте на пару недель автономного им питания, а тут — ну ни крошки ни в одном шкапчике!

— Эдик! — пришёл ко мне Максим с пустой кружкой наперевес. — А не поделишься ли ты со мной чайком?

— Максим! Ну ты же как брат мне, я даже почкой с тобой готов поделиться, но вот именно чая и нет! Хочешь кофе? Или почку?

— Нет, кофе у меня у самого есть, но он совершенно непригоден для лечения душевных ран! А про почку я запомнил, да.